

„П О С Е В” — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„П о с е в” участвует во внутрirosсийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

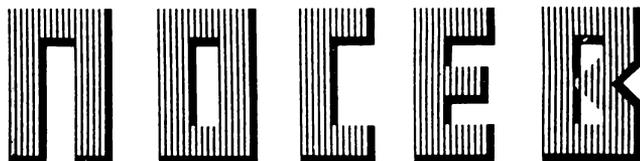
С 1976 года журнал „П о с е в” выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

„Г Р А Н И” — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, выходит в издательстве „П о с е в” с 1946 года. В „Г р а н я х” были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, А. Галича, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Цветаевой и других известных авторов.

Издательство „П о с е в” выпускает также книги российских и зарубежных авторов на русском языке: художественную и социально-политическую литературу, книги по истории, философии, религии, мемуары, свидетельства. Ежегодно выпускает художественный календарь. При издательстве „П о с е в” имеется отдел антикварных и редких книг. Каталоги издательства высылаются бесплатно.

Подписываясь на „П о с е в” и „Г р а н и”, а также покупая книги нашего издательства, вы будете не только в курсе политической и литературно-общественной жизни нашей страны, но и финансово поддержите издание и проникновение этих журналов и книг в Россию.

Условия подписки см. на последней странице.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Год XLI

Март 1985 г.

№ 3 (1384)

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ. А. С а б у р о в. Неразрешимые противоречия (2). К аресту Р. Евдокимова и В. Сендерова (2). — Хроника (4). — Л. Сергеева. От Куреева к Харчеву (6). — Федор Дозорцев. ОБХСС — младший брат КГБ (7). — Экономические новости (9). — Планы, итоги (10). — Анекдоты (10).

КПСС. А. К о л и н. „Установочная статья” немощного генсека (11). — Смерть Черненко (13).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. В. Р. Пустыня и коммунизм (14). — Танки вместо хлеба (15). — А. К о в е н с к и й. Старые проблемы Новой Каледонии (16). — Зарубежная хроника (17).

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. Роман Р е д л и х. Торунское судилище (18)

КИТАЙ. В. Р ы б а к о в. Будет ли Китай опасен Советскому Союзу (22)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Афганские зарисовки (26). — Короткие сообщения (31)

АРМИЯ. Фридрих Н е з н а н с к и й. Ужесточение наказания за воинские преступления (32). — Новое о „Сторожевом” (36). — Военное обозрение (37)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Итог пьяного безумия (39). — А. Ю г о в. При полном коммунизме будут жить одни дебилы (41). — А. К о р ж и н с к и й. „Катушка” (46)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА. В. Т р е т ь я к о в. Об основах перехода к правовому государству (48). — О. П а в л о в. О подходе к альтернативным документам (50)

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ. А. В. К а р т а ш е в. Преображение князя Владимира (51)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Г. Б о н а ф е д е. Зимняя война (54)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Валерий Г о л о в с к о й. Пороги на пути писателя (58). — Д. П о с п е л о в с к и й. Посланник в Сербии (61)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. В. Л а м з д о р ф. А надежные ли мы союзники? (63)

Итог пьяного безумия

Распространяемое Самиздатом краткое изложение социологического исследования, проведенного группой ученых Новосибирского отделения АН СССР в 1983 г.

Русскую интеллигенцию всегда мучили три вопроса: что происходит? кто виноват? что делать? На наш взгляд, эти три вопроса стоят сейчас, особенно остро в отношении проблемы алкоголизма в нашей стране.

Мы построили график потребления алкоголя на душу населения с 1900 по 1980 г. Расчеты делались в литрах абсолютного алкоголя. Литр абсолютного алкоголя — это литр стопроцентного спирта; он равен соответственно 2,5 литрам водки.

1905 г., „пьяная” царская Россия. Мы пили 3,5 литра абсолютного алкоголя на человека в год. 1910 г. — 3,6 литра. Затем производство и потребление алкоголя в стране резко возрастает, и в 1914 г. — 4,7 литра. В 1914 г. в нашей стране был введен „сухой закон”, который продержался 11 лет, до смерти В. И. Ленина. В 1924 г. „сухой закон” был отменен, и в 1925 г. мы потребляли 0,8 литра абсолютного алкоголя на человека в год. В 1940 г. — 1,9 литра. Во время войны производство и потребление алкоголя резко упало (статистические данные отсутствуют), большинство винокурных заводов было закрыто. На уровень 1940 г. — 1,9 литра — мы вышли только в 1952 году. А начиная с 60-х годов с алкоголем у нас в стране стало твориться нечто невообразимое. В 1980 г. мы превысили уровень потребления алкоголя по сравнению с „пьющими” странами в 2,5 раза и потребляли 10,8 литров абсолютного алкоголя на человека в год. Построенный нами график показывает, что прямая потребления алкоголя к 2000 г. выводит нас на уровень 20 литров абсолютного алкоголя на человека в год.

С 1980 по 1983 г. никаких радикальных изменений не произошло. Скорее можно говорить об ухудшении положения: в 1983 г. была снижена цена на водку — появилась дешевая водка по цене 4 руб. 70 коп., а также снижены наценки на водочные изделия в ресторанах. В 1983 г. мы выпили по 12 литров абсолютного алкоголя на человека. Это 30 литров водки. В 1983 г. на каждого советского человека — и на младенца, и на старушку, и на непьющего мусульманина,

и на пьющего христианина — на каждого было выставлено в магазинах по 60 бутылок водки, эта водка была куплена, и все это море водки было выпито.

В 1980 г. в нашей стране было 40 миллионов алкоголиков и пьяниц — причем только официально зарегистрированных. И если в ближайшие годы не будут предприняты чрезвычайные меры, то к 2000 г. у нас в стране будет 80 миллионов алкоголиков и пьяниц. Это 65% всего трудоспособного взрослого населения.

С нами никто не собирается воевать. Все разговоры о „Першингах” и напряженных взаимоотношениях — все это блеф. Зачем с нами воевать, если через 12—15 лет мы просто сами развалимся как суверенное государство? Государство, в котором более половины взрослого населения состоит из алкоголиков и пьяниц, не дееспособно и не обороноспособно в принципе.

В сибирских деревнях началась алкогольная разруха. В подавляющем большинстве деревень пьют все, начиная от председателя и кончая конюхом. Наш институт в этом году выращивал свеклу для Академгородка, потому что деревня, которая должна была эту свеклу вырастить, просто спилась, там некому работать.

Самый страшный итог этого двадцатилетнего пьяного безумия — прогрессирующее вырождение нации, и в первую очередь — русской. Среди русского населения пьянство получило самое широкое распространение. Мы составили график так называемого коэффициента популяционной деградации нации. Это процент школьников, обучающихся в специальных школах для дебилов. График сдвинут относительно графика потребления алкоголя на 13 лет: мы пьем-веселимся, зачали ребенка, через год он родился, через 7—8 лет мы отправили его в подобную школу, где его будут учить говорить, держать ложку, одеваться и т. д.; плюс еще средние 4 года (в этой школе учатся 8 лет); итого — 13 лет. У этого графика идеальная корреляция с графиком потребления алкоголя. Обрывается наш гра-

фик 1975 г., так как позже данные о школах для дебилов перестали публиковаться где бы то ни было: данные эти нас сильно дискредитируют. На семинаре общества „Знание” по алкогольной проблеме доцент педагогического института Меерович сообщил следующие данные: в 1982 г. 3,5% родившихся в стране детей имели тяжелые отклонения в психическом и физическом развитии, а 13% имели отклонения средней тяжести. 16,5% детей, родившихся в 1982 г., — дебилы, а это значит — каждый шестой родившийся ребенок. И все это — результат потребления алкоголя.

На одном совещании академик Углов привел следующие данные: в 1960 г., когда пьяное безумие только начинало охватывать страну, в Октябрьском районе города Ленинграда не было ни одной школы для дебильных детей, сейчас — 4. В Вологодской области в 1960 г. было всего 2 таких школы, сейчас — 18. В Донецкой области таких школ было 4, сейчас — 38.

Такое вырождение нашего народа — самая страшная трагедия за всю его тысячелетнюю историю. Трагедии случались и раньше, но рождалось здоровое потомство, способное к поступательному движению. А кого мы оставляем после себя?.. В 1983 г. мы нарожали столько дебильных детей, что в 1993 г. в таких школах будут учиться не менее 15% детей. Даже если прямо сегодня ввести „сухой закон”, то эти люди у же повиснут тяжелейшими гириями на шею нашего общества еще на 60—80 лет. Живительный родник, который десятилетиями питал нашу интеллигенцию, безнадежно отравлен водкой.

Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что алкоголизм — это программа вытеснения нас как нации с лица земли. За 40 лет (1940—1980) производство алкогольных напитков возросло почти в 8 раз, а если за изначальную точку взять 1950 г., то более чем в 10 раз. Тогда как население выросло всего на 35%. В 1960 г. на 1000 человек населения родилось 25 детей. В 1980 г. — 18 детей, из них трое — дебилов. За 20 лет рождаемость снизилась на 25%. Данные по смертности: в 1960 г. на 1000 человек населения — 7,1, в 1980 г. — 10,4. За 20 лет смертность возросла на 47%. Практически единственная причина этого возрастания смертности — алкоголизм. В нашей стране работает четверть всех врачей мира, все демографические показатели должны были бы

улучшаться, а смертность у нас в 1,5 раза выше, чем в Китае.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, алкоголики живут в среднем на 17 лет меньше, чем непьющие. В сибирских деревнях практически нет пенсионеров-механизаторов. Люди просто не доживают до 60 лет — из-за постоянного употребления алкоголя. Они кое-как работают до обеда с единственной мыслью: после обеда выпить. Встретить в деревне вечером трезвого мужчину — все равно что встретить марсианина.

В 1975 г. сессия Всемирной Организации Здравоохранения признала алкоголь таким же наркотиком, как марихуана, героин и т. п. У нас же алкоголь до сих пор считается „пищевым продуктом”. Главный нарколог СССР Бабаян в своей книге очень изящно доказывает, что алкоголь не является наркотиком. Он задает вопрос: является ли алкоголь наркотиком? И отвечает: конечно же, нет: ведь наркотик нельзя купить в магазине, а алкоголь — пожалуйста!

Утверждается, что русский народ — извечный пьяница. Водка у русских в крови и даже в генах (есть уже и такое мнение). Однако это ложь. Пьяницами мы стали только в последние 15—20 лет. До этого мы были самой непьющей нацией из всех пьющих. До 1960 г. мы пили меньше финнов, шведов, норвежцев, американцев, итальянцев и французов.

Утверждается также, что водка продается потому, что это выгодно государству. Это тоже ложь. Алкоголь разоряет нашу страну. В настоящее время в бюджет государства ежегодно поступает 45 миллиардов рублей от продажи алкоголя. Однако убытков от его потребления — в 4 раза больше. Это подсчитывалось английскими, американскими, французскими, немецкими экономистами. Русские экономисты тоже производили подсчеты — в 1913, 1928 и 1973 гг. Вывод один: продажа алкогольных напитков обществу убыточна. В среднеазиатских деревнях, где почти не пьют, — великолепные дома, полно всякого добра, автомашины, мотоциклы. Еще тяжелее потом смотреть на умирающие русские деревни.

До 1960 г. мы выполняли и перевыполняли все пятилетние планы. Начиная с 1960 г. наша экономика как бы наткнулась на стену. Алкоголь и есть фундамент этой стены.

В 85% таких тяжких преступлений, как убийство, изнасилование, разбой и грабеж,

повинен алкоголь. Хулиганство же у нас вообще не бывает трезвым.

В 1913 г. в среднерусских губерниях проводился социологический опрос, и было выяснено, что в этих губерниях 43% мужчин — трезвенники. Почти половина мужчин не брала в рот ни капли спиртного. Подобный опрос в тех же областях был проведен в 1979 г.; трезвенников при этом оказалось 0,6%. 99,4% наших мужчин пьют. Непьющих женщин в 1913 году оказалось 90%, а в 1979 году — 2,4%. 97,6% наших женщин пьют. А пьянство женщин — это самый короткий путь к нашему концу. Академик Углов рассказывает о женщине-алкоголичке, которая родила пятерых детей от пяти разных мужей. Все пять детей оказались дебилами.

В 1913 г. юношей и девушек до 18 лет, не употребляющих алкоголь, было 95%. В 1979 году таких непьющих юношей и девушек было уже менее 5%.

3 сентября 1980 г. в „Литературной газете” академик Петровский, бывший тогда министром здравоохранения СССР, писал:

„Прежде всего следует отметить, что если в капиталистических странах потребление алкоголя продолжает расти быстрыми темпами, то в нашей стране наблюдается значительное замедление употребления спиртных напитков”.

И пишет это министр здравоохранения, человек, которому мы должны верить! И пишет он это тогда, когда мы находимся в высшей точке нашего национального бедствия — алкоголизма!

Далее академик Петровский писал:

„Как ни парадоксально это звучит, но нас радует, что по статистике наблюдается увеличение больных алкоголизмом, потому что такое увеличение обусловлено более интенсивным выявлением этих больных”.

Министра здравоохранения радует, что у нас растет число больных алкоголизмом!

В книге „Майн кампф” по поводу политики на восточнославянских территориях Гитлер писал: „Для них (для славян) — никакой гигиены, никаких прививок, только водка и табак”.

Этот наказ Гитлера мы сейчас и выполняем.

При полном коммунизме будут жить одни дебилы

А. ЮГОВ

Цифры в документе новосибирских социологов звучат сильнее любых слов. Они вопиют. Мы дошли уже, оказывается, до 12 литров абсолютного алкоголя на человека в год. А к рубежу нового века выйдем, если так будет продолжаться, на отметку 20 литров (100 полулитровых бутылок водки) в год. 12 литров чистого алкоголя — это „поллитра” с „чакушкой” в неделю на каждого человека, включая грудных младенцев, беременных женщин и глубоких стариков. Сколько же „банок” в неделю потребляет тогда среднестатистический взрослый строитель коммунизма?

Могут сказать, что из этой статистики нужно бы вычесть водку, идущую на экспорт. А ее тоже идет все больше. И расходов на рекламу не жалеют. Отчего не спаивать и остальной мир, особенно если за твердую валюту? Правда, качество здесь должно быть лучше, иностранцам нельзя поставлять ту плохочищенную отраву, что для своих. Но экспортное количество наверняка уравнивается неучтенным самогоном. И какой

суммарный градус крепче — еще неизвестно. Зато доподлинно известно, что вреднее для здоровья.

Кривая роста алкоголизма идет круто вверх. За 30 последних лет производство алкогольных напитков возросло более, чем в 10 раз. Как следствие, за 20 последних лет рождаемость снизилась на 25%, а смертность возросла на 47%. Нет, казалось бы, страшнее цифр, чем эти, — страшнее для всего национального существования страны. Но, оказывается, есть — это стремительный рост числа рождающихся дебилов, идиотов и полуидиотов, зачатых в алкогольном дурмане. Каждый шестой, родившийся в 1982 году, — дебил. Через 7—8 лет 15% детей школьного возраста будут дебилами... Где, когда, в какой стране было что-то подобное?! И что же будет дальше, если учесть, что кривая потребления алкоголя в стране непрерывно растет? Если идущий процесс решительно не пресечь, то при многократно нам обещанном коммунизме будут жить одни лишь дебилы.

Не хочется шутить на эту тему, но здесь есть своя сермяжная правда...

Среди маститых теоретиков, знатоков марксизма-ленинизма, было много споров на животрепещущую тему — что такое коммунизм? Какие черты определяют эту высшую форму развитого социализма? Сейчас мы начинаем понимать, что такое коммунизм на практике. Лишь немного скорректировав Ленина, мы получим точную формулу: „Коммунизм — это советская власть плюс дебилизация всей страны”. То, что сейчас в Советском Союзе происходит, это уже не просто генетическое засорение, это — идущий полным ходом процесс генетического распада.

Авторы исследования довольно четко ответили на второй из „проклятых” трех вопросов, постоянно мучающих русскую интеллигенцию, — „кто виноват?”. Виноваты не привычка, не климатические особенности, не исторические традиции, хотя именно на них некоторые „специалисты” любят сваливать все беды современной России. Алкогольные „графики роста” показывают это весьма убедительно.

Вполне понятно, что авторы исследования не могут более конкретно анализировать причины нынешнего столь необузданного пьянства. Они лишь подводят читателя к ним вплотную. Суть в том, что коммунистическая власть не устранила на деле ни одной из первопричин пьянства, бытовавших в стране до нее, — скудная жизнь, тяжелая работа, суровый климат. Зато она добавила два мощных фактора, ставших, пожалуй, основными побудительными мотивами поголовного алкоголизма: 1) экономическая безнаказанность пьянства и 2) попытка утопить в алкоголе мучительный разлад со своей совестью.

Если в любой, самой „пьющей” стране Запада человек становится хроническим алкоголиком, то он сразу же выскакивает из общественной колеи. Он быстро и неотвратимо теряет работу, возможности карьерного роста, водительские права, дом, семью. Ему есть что терять, и это, конечно, служит дополнительной преградой для разлива алкоголизма. Не то в Советском Союзе. Алкоголик теряет одну работу и тут же находит другую: люди нужны всюду и постоянно. Он знает, что даже если станет завзятым трезвенни-

ком, то не сможет купить себе квартиру или тем более дом, не сможет на „честную” зарплату приобрести машину с гаражом, ездить с семьей на юг в отпуск, путешествовать по другим странам и т. п. И на сэкономленные деньги все равно купить нечего: на руках у населения и так скопилось свыше 200 млрд. рублей, не покрытых товарной массой. Старая поговорка „Пей, не пей, — одна живем!” все больше трансформируется в несколько измененную — „Пей, не пей, — одинаково живем!”. Во всяком случае, пока человек замечает, что это не совсем так, он уже заключен в крепкие объятия алкоголизма.

Второй коммунистический „вектор алкоголизма” действует во всех слоях населения. Советские люди на каждом шагу принуждены лицемерить, бояться начальства, становиться стукачами, предавать, поступать своими принципами и идеалами, одним словом, — „жить по лжи”. И это не единичные случаи, как в свободных или даже полусвободных странах, а — система. Алкоголь же дает иллюзию освобождения от мучительных внутренних вопросов, иллюзию товарищеской солидарности, наконец, иллюзию смелости. Так уж повелось, что сегодня пьяным прощаются даже антисоветские высказывания, за которые трезвых наверняка привлекли бы к ответственности. Пьянство стало отдушиной, „экологической нишей”, эликсиром смелости, индульгенцией за совершенные и будущие грехи. Никакой наркотик ни в какой другой стране не несет и доли столь ответственных функций.

Усиленная „дебилизация страны” есть следствие не только количества потребляемого алкоголя на душу населения. Важен еще возрастной и структурный состав алкоголиков. Кто становится алкоголиком в других „пьющих” странах? Это обычно потерявшие жизненные ориентиры пожилые мужчины (много реже — женщины), которые и не думают больше заводить детей. А если это молодой человек, то ему крайне трудно найти партнершу, которая пошла бы на риск родить от него ребенка. Если начинает пить молодой отец семейства, то его жена будет всячески остерегаться нежелательной беременности, тем более, что в нормальных странах это, в отличие от Советского Союза, несложно.

Здесь проблема алкоголизма переплетается с другой, крайне важной социальной проблемой — сознательным планированием се-

мьи. Борьба с „дебилизацией” не может быть успешной, пока советская женщина будет лишена естественных для сегодняшнего мира условий, позволяющих подходить к вопросу рождения ребенка продуманно, с минимальным риском напороться на генетическую или алкогольную катастрофу. В СССР нет для этого необходимого комплекса — ни всестороннего сексологического воспитания, ни доходящей до самых глухих углов системы письменных и устных консультаций, ни специализированного врачебного контроля, ни широкой гаммы противозачаточных средств и методов и непрерывных новых поисков в этом направлении. Если советская женщина опасается родить неполноценного, „алкогольного” ребенка, то дилемма перед ней весьма узкая: либо надеяться на „авось пронесет”, либо разрушать свое здоровье бесконечными абортми.

Обеспечение нужного комплекса условий, оберегающих здоровье матери и будущего ребенка, должно было бы стать первоочередной задачей. Но у тоталитарной сверхдержавы нет для этого свободных денег: противозачаточные средства — это ведь не предметы первой необходимости, как, например, баллистические ракеты или глушительные станции...

Подобно рода „закрытые” документы адресованы, по сути, высшему партийному начальству „для принятия мер”. За рубеж они попадают если не случайно, „по недосмотру”, то в явном расчете путем „зарубежного ажиотажа” усилить давление на тех, от кого зависят конкретные решения. Этой же цели служит и своеобразие аргументации, в частности, сравнения с другими коммунистическими странами. Так, в публикациях ряда экономических семинаров в качестве положительных примеров указывались результаты венгерских реформ. В известном докладе Т. Заславской неоднократно в качестве образца для подражания упоминались высказывания болгарского генсека Живкова. И в данном документе промелькнуло сравнение с Китаем, — разумеется, коммунистическим. В подобных сравнениях — алиби от возможных обвинений в том, что авторы порочат социалистическую систему как таковую. („Вот, мол, в других соцстранах с данной проблемой дела обстоят гораздо лучше, чем у нас”.)

Что тут можно сказать? Конечно, национальные традиции играют немалую роль. И, например, в России или Польше всегда пили больше, чем в Румынии или Китае. Так что

сравнивать эти страны по абсолютным показателям или последствиям не совсем корректно: надо бы и для Румынии или Китая знать их „кривые роста”. Возможно, они тоже достаточно круты.

Главное же в другом. Авторы формулируют вывод четко: „Пьяницами мы стали только в последние 15—20 лет”. И это не случайно: именно 1960—70-е годы — годы полного разочарования, крушения бытовавших надежд на здравые экономические реформы, на демократизацию или хотя бы либерализацию режима. Строго говоря, с другими соц-странами ситуацию можно будет сравнивать, когда они сравняются с нами по стажу социалистического идиотизма, медленно, но верно переходящего в идиотизм генетический.

Но, может быть, господство безысходности и ощущение полного тупика в других соц-странах не будет столь длительным? Примеры Венгрии или КНР обнадеживают. У миллионов людей в этих странах, в первую очередь, у крестьян, вместо утопий и фиктивных деклараций появились реальные цели — лучшее средство борьбы с алкоголизмом. Одни уже сельскохозяйственные реформы на уровне китайских, без всякого сомнения, нанесли бы мощный удар по той „алкогольной разрухе”, которая торжествует в советской деревне, — увы, не только в сибирской.

Такой же психологический „натяг” и во „внутренних” сравнениях. В среднеазиатских деревнях „полно всякого добра” лишь по сравнению с нищими среднерусскими деревнями. И то, что там „почти не пьют”, — полемическое преувеличение. Пьют, и все больше. А война в Афганистане, без сомнения, дает еще дополнительный толчок и алкоголизму, и наркомании.

Конечно, национальные и религиозные традиции еще предохраняют среднеазиатские и закавказские народы. Антиалкогольные заповеди ислама возникли не случайно: алкоголизм в условиях жаркого климата — это верный путь к вырождению и исчезновению нации. Но коммунистическая система расшатывает и разрушает даже очень прочные традиции, особенно когда она берется за дело, засучив рукава. В песне „Летела жизнь в плохом автомобиле” герой Владимира Высоцкого весьма образно рассказывает о новых — советских! — традициях чеченцев, непьющих в прошлом мусульман:

Мы пили всё, включая политику,
И лак, и клей, стараясь гниль сболтнуть.

Мы спиртом обманули пулю-дуру,
Так что ли умных нам не обмануть?

Пьем водку под орехи для потехи,
Коньяк — под плов с узбеками

(по-ихнему — пилав).

В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Да, на Юге пьют меньше, чем на Севере, на Западе — меньше, чем на Востоке (а как же пьют на Северо-Востоке!). Но причины нищеты не только, а может, и не столько в этом. Сравнительное (весьма!) благосостояние тех же среднеазиатских сел и деревень — результат в основном того, что можно назвать „солнечной рентой”: спекуляции овощами, фруктами, вином, цветами. В условиях вечного советского дефицита эта спекуляция внеконкурентна и беспроигрышна. В то же время, потенциальные преимущества собственно России — большое удельное количество земли на каждого человека, изобилие вод, рек, озер, лесов, богатая фауна, богатейшие запасы полезных ископаемых — все это Система перемальвует в ничто. В условиях здоровой экономики, при *равном* уровне организации производства, все эти факторы, несомненно, дали бы большие преимущества российскому Северу перед перенаселенным Югом. Что, собственно, видно на примере других регионов мира: „солнечная рента” никак не компенсирует южанам вышеозначенные плюсы северных стран.

Поэтому зависимость, о которой пишут авторы исследования, не столь однозначна. Да, нищета есть безусловное следствие „развитого алкоголизма”. Но и алкоголизм — тоже функция стойкой нищеты. Особенно, если никакого выхода из этой нищеты не видно.

И, наконец, третий „проклятый” вопрос русской интеллигенции — „что же делать?”. Академик Ф. Углов и другие социологи и токсикологи страны, профессионально занимающиеся вопросом алкоголизма, выход видят только в „сухом законе”. И к этому можно лишь присоединиться.

Издержки „сухого закона” совершенно очевидны: бурный рост самогонварения, огромное количество паразитирующих „посредников”, необходимость жесткой борьбы с этими двумя категориями „спайвателей”, для чего нужно существенно увеличить милицейский аппарат (состоящий, кстати, тоже из людей пьющих...). Но другого выхода нет. Все паллиативные способы борьбы с „разви-

тым алкоголизмом” уже запоздали, положение более чем трагично.

Трагизм положения осознается все больше, особенно интеллигенцией. Не зря в последнее время в советской печати стали публиковать очень резкие антиалкогольные статьи под выразительной рубрикой „Пить или.. быть? Вот в чем вопрос”*. Но с помощью статей и лозунгов бороться с теми стимулирующими алкоголизм факторами, о которых говорилось выше, — это все равно, что идти с саблей против танка. Нужны не призывы и увещания, а целенаправленная и последовательная антиалкогольная политика правительства. Однако на протяжении последних десятилетий власти не только не предпринимали, в сущности, никаких мер против раскручивающегося маховика алкоголизма, но, напротив, лишь добавляли ему оборотов. 12 лет назад, анализируя проблему алкоголизма в стране, автор этих строк писал:

„...и в будущем партийные правители России обречены метаться между Сциллой колоссальных издержек от всенародного пьянства и Харибдой быстрого финансового и политического краха без планомерного спаивания народа” („Закон социалистической циркуляции”, „Посев” № 12, 1972).

Должен признаться, что я переоценил не только гуманистические наклонности партийных правителей СССР, но и их здравый смысл. Никакого метания, никакого лавирования не было и в помине. Советский корабль на всех парусах неся на скалу катастрофических последствий. Все усилия власти были направлены исключительно на то, чтобы с помощью водки изъять как можно больше денег у народа. Если власти „увлекались”, и после повышения цен на водку или коньяк потребление их существенно падало, то цены на них быстро опять снижали, пока спрос не устанавливался на „плановом” уровне. Социальные, демографические и медицинские последствия „развитого алкоголизма” советской прессой замалчиваются, бурный рост числа рождающихся дебилов остается в разряде государственных тайн. Цифры, которые приводят в своем докладе новосибирские социологи, скрываются от общественности страны, их распространение трактуется как „антисоветская пропаганда”.

* См., напр., подборку „Алкоголь угрожает нашему будущему”, „Посев” № 2, 1985 г.

Партийные капитаны и штурманы боятся лишь политического краха — своего и своей касты. Издержки алкоголизма, включая катастрофические последствия генетического распада, их, похоже, волнуют мало. Им самим и их отпрыскам „дебилизм” не грозит: им есть что терять. (И есть чем закусывать...) А на их правящий век здоровых людей в России еще хватит. Тем более, что и дебилы ведь могут работать, исполнять простые технологические операции. Так сказать, роботы по-коммунистически...

Доказывая властям предрержающим экономическую убыточность алкоголизма, авторы исследования ломятся в открытую дверь. Это понимает каждый здравомыслящий человек. Для любого правительства, любой государственной власти, искренне обеспокоенной общенациональными интересами, здесь нет вопроса: никакие миллиарды рублей или даже долларов не перевесят здоровья нации.

„Сухой закон” представляется единственным, хоть и нелегким, выходом из создавшегося катастрофического положения. Тем не менее, вряд ли партийные власти страны пойдут на него. И дело не только в 45 миллиардах рублей „водочной прибыли”. (Хотя, как же и их отобрать у народа? Создавать изобилие товаров и услуг социалистическая экономика за 2/3 века так и не научилась.) Но, может быть, еще существеннее — чем заполнить освободившееся время? Одними телевизионными зрелищами, футболом да хоккеем, его не наполнишь. А что же тогда, без алкоголя, будут делать „широкие массы”? Думать? Сравнить? Обмениваться мнениями на тему, например, почему Россия стала регулярно покупать зерно за рубежом? Читать неположенные книги? Слушать недозволённые „голоса”? И все это всерьез, по-трезвому? Что же получится в результате? Нет, идти на „сухой закон” для этой власти чрезвычайно рискованно.

Сегодня для партийной номенклатуры алкоголь — не только средство, позволяющее практически бесплатно использовать для своего блага колоссальное количество народного труда. Но это и отдушина, спуск пара, бессмысленное заполнение свободного времени людей — „иначе будет хуже”. Если бы возглавители КПСС были честными людьми, они должны были бы провозгласить и на всех видных местах вывесить лозунг: „Да здравствует алкоголь — верный и надежный помощник партии в борьбе за построение дебильного общества!”.

«Катушка»

А. КОРЖИНСКИЙ

На проспекте им. Обуховской обороны в Ленинграде находится деревообрабатывающий завод им. Володарского. Название это встречается только в официальных документах. Жители района знают его как „Катушку”. Потому что катушка, та, на которую наматываются швейные нитки, — основная продукция этого завода. Но немногие знают, во что обходится это несложное изделие. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что ежедневно завод обрабатывает 5—6 вагонов березового бруска, из которого в катушку превращается что-то около 5% древесины, а 95% — в опилки и стружку.

Как обычно, самое „узкое” место на заводе — вспомогательные цеха. Так называемая „лесная биржа” осуществляет все вспомогательные операции — от выгрузки древесины из вагонов до сушки бруска и подачи его в механическую обработку.

Труд на всех участках очень тяжелый. Чрезмерно велика физическая нагрузка, тяжести и сами условия труда. О технике безопасности и говорить не приходится. Она существует, как обычно, только в виде соответствующих инструкций. Башенный кран на разгрузке вагонов постоянно неисправен. Часто трос оказывается под электрическим напряжением. Даже инспекция, обычно весьма снисходительная, не раз опечатывала подъемное оборудование. Но его не ремонтировали, а из положения выходили или с помощью обильного угощения соответствующих лиц, или просто, сняв пломбы, работали по ночам. Разумеется, травмы в таких условиях — явление постоянное и привычное. Бригады рабочих-стропалей — относительно „трезвые”. Остальные — почти все под хмельком. Бывают и мертвецки пьяные, но не каждый день.

Подача вагонов с древесиной — с постоянными перебоями. Производство вечно лихорадило. Но с железной дороги „взятки гладки”. Недаром в арбитраже среди юристов быгует выражение „вали все на железную дорогу”. Этот „метод” применяется в совершенно безнадежной для предприятия ситуации. И иногда не без успеха.

Так называемый участок укладки занят укладкой 2-метрового березового бруска на вагонетки. Укладка производится в определенном порядке, то есть определенное число

рядов и брусков в ряду: после этой работы приходится по утрам массировать руки — иначе их сводят судороги. Зимой пакеты бруска смерзаются и их приходится разбивать кувалдами. Летом глаза запорашиваются пылью. Прокатить груженую вагонетку нелегко и летом, а зимой колеса и рельсы скованы морозом. Работают здесь в основном женщины старше 40 лет. Работают до изнеможения, подгоняя друг друга: труд ведь сдельный. Средний заработок (со всеми доплатами) — 220—250 рублей. Но для абсолютного большинства это лишь часть заработка. Почти все работают и в выходные, и в праздники, и по вечерам. Иные за месяц прокатывают 30—31 смену. За такую работу зарплата достигает 330—400 рублей. Деньги совсем не малые для женщины в СССР, да и не только для женщины.

Тем не менее найти желающих на эту работу довольно трудно. Молодежи на участке нет совершенно. Большинство из желающих устроиться — уходит. Одни — только бросив беглый взгляд на работающих, другие — через 2—3 дня.

Несколько лет назад цех хронически не справлялся с планом. Расценки были безобразно низкими. Обычный выход из положения — посылка на прорыв „шефов”, рабочих и служащих — результатов не давал. Заставить „прикомандированных” работать в нужном темпе просто невозможно, а заключенные, видимо, нужны на более важных участках социалистического строительства. Исправило положение значительное повышение расценок, но рабочие стали рабывать „недопустимо много”.

Дальнейшая интенсификация труда почти ничего дать не может. Снизить заработки можно, увеличив число рабочих и резко снизив сверхурочные работы. Но молодежь никак не соглашается с условиями труда, привычными для битого и ломаного старшего поколения.

Поэтому „Катушечка” обеспечивает этим пожилым русским женщинам возможность трудиться в 2 смены, а также по субботам и воскресеньям. В будущем, уже недалеко, они надеются получить наивысшую возможную для них пенсию — 120 рублей. Почти все они родились и выросли в деревне,

многие видели войну и оккупацию. Все знакомы с бесплатным и полубесплатным трудом. Чем еще можно их удивить и испугать? Свободного времени эти женщины практически не имеют: на работу, работа, с работы, магазины, домашняя работа, сон. Это, пожалуй, все. Да, еще отпуск — 15 рабочих дней. Так тянут они долгие годы, так рассчитывают дотянуть до пенсии. Почти все клянутся, что на пенсии будут только отдыхать. Но не получается что-то...

Без сомнения, поколение это — уходящее. О чем молодежь им радостно и сообщает: „Поработали вы славно, пора на свалку, таких дураков больше нет”. Но, глядя на бесконечные пакеты бруска, уложенные в два и три яруса, стоит подумать и о судьбе женщин в СССР, об искалеченных женских руках.

Женщины работают в механических цехах „Катушки”. Там уровень шума и запыленности очень высок, а зарплата — значительно меньше, за счет низких расценок и жесткого нормирования.

„Пьянь черная и хроническая”, мужчины, в основном занята перекаткой груженых вагонеток. Только не на десяток-другой, а на 300—500 метров. За смену организм сильно обезвоживается. Можно выпить 3—4 литра кваса и все еще хотеть пить. Но коренные „советские лошадки” (так часто называют они себя сами) пьют отнюдь не квас. Пьют „в жару, и в холод, и в ненастье”. Эта вечная погоня за алкоголем наполняет жизнь рабочих-мужчин каким-то болезненным содержанием. Дело в том, что, за исключением 2 дней в месяц (получка и аванс), раздобыть деньги — вопрос вопросов, основа и начало всей этой „политэкономии”. Достославные времена, когда пол-литра водки стоил „тройак”, прошли. Водку давно сменила мутная река низкопробных крепленых вин. Качество их таково, что даже советская пресса называет эти „вина” чернилами. стакан, из которого пили эти „слезы Мичурина”, надо отмывать мылом и горячей водой. И не раз. Впрочем, такие мелочи мало кого смущают. „Дешево и сердито”.

Уже в 7 утра снаряжаются „гонцы” за бутылкой. В каждом микрорайоне есть подпольные торговцы. Все „алчущие и жаждущие” прекрасно знают эти „точки”. Следующий „заход” — в 11 часов, к пивному ларьку. Затем в обед. Обычно через три дня после получки или аванса ни у кого из рабочих-мужчин денег уже нет. Еще через три

дня всякий кредит исчерпан и начинаются поиски „социалистической собственности”. Моральных проблем тут не возникает. Еще в молодые годы все слышали от „наставников” на производственной практике весьма емкую формулу: „Тащи с завода каждый гвоздь — ты здесь хозяин, а не гость”. Берут все, что попадется под руку.

Но вот все, что можно было продать, — „ушло”. Взламывать склады готовой продукции днем слишком рискованно — но и такое случается. А ночью весьма трудно реализовать „экспроприированное”. Но советские предприятия отгорожены друг от друга не китайской стеной, а, как правило, довольно ветхими заборами. В районе пр. Обуховской обороны почти всегда можно купить продукцию других предприятий: мыло, зубную пасту, шампунь — из-под полы, со скидкой в 50%. Вот к этой „мыловарке” и устремляются желающие поправить свои финансы. По вечерам встречаются целые караваны с огромными мешками на спинах. Нелегко, конечно, лазить по облепелым крышам и стенам с тяжелым мешком. Падают, ломают руки и ноги. Попадают в милицию, отлеживаются после побоев и лезут снова. Иных судят, сажают. Но не часто. Обычно милиция просто прогоняет „добытчиков”. Или отбирает мыло.

В проходной завода почти постоянно дежурит милиционер. Его задача — пресекать пронос спиртного. Однако милиция ни разу не задерживала покупателей краденого. Понять это нетрудно: во-первых, статистика преступности по району может резко пойти вверх. А во-вторых, — милиция сама мылом приторговывает.

Разумеется, не все занимающиеся тяжелым физическим трудом ведут подобный образ жизни. Но тенденция очевидна — и нет никаких оснований предполагать, что положение может улучшиться. И нужно учитывать, что это — люди работающие, имеющие определенное место жительства. Отнюдь не „дно” советского общества, хотя до этого „дна” не очень далеко...

Однажды в одной из сушильных камер был обнаружен труп бывшего рабочего завода, ставшего впоследствии „лицом без определенных занятий” и опустившегося на это „дно”. Постоянного жилья у него, конечно, тоже не было. Ночевал в теплых камерах и однажды не проснулся. Иссиня-черное лицо, рваный ватник и недопитая бутылка „вермута”. Ему не было еще и 40 лет.

Хроника

● Работники МВД недовольны привилегиями работников КГБ. Во-первых, ни один министр внутренних дел никогда не входил в состав Политбюро, Андропов же стал даже генсеком. Во-вторых, в состав пленума ЦК входят 4 члена КГБ и лишь один представитель МВД — сам министр. В-третьих, на XXVI съезде КПСС делегатами были 43 сотрудника КГБ и лишь 8 сотрудников МВД. В-четвертых, органы КГБ осуществляют надзор за работниками милиции и прокуратуры. В-пятых, КГБ пользуется многочисленными привилегиями, которых лишены милицмейские работники.

● В СССР прошли испытания ракеты СС-ЭКС-28, представляющие собой усовершенствованные СС-20. Развертывание последних уже прекратилось: в настоящее время число этих ракет средней дальности дошло до 414 (каждая из них снабжена тремя боеголовками).

● Из Архива самиздата № 5393: „Неизвестный автор составил биографическую справку о п/з, члене СМОТ А. Скобове. Скобов, Александр Валериевич, 1958 г. рожд., арестован 20.12.82, осужден 4.5.83 по ст. 70 УК РСФСР — „антисоветская пропаганда” и принудительно госпитализирован в психбольницу. Еще школьником он был помещен на 2 месяца в психбольницу за критические высказывания. Участь на историческом факультете Ленинградского университета, вступил в нелегальный марксистский кружок. Затем организовал молодежную „коммуну”, увлекшись движением „новых левых” на Западе. Участвовал в издании самиздатского журнала „Перспектива” и в распространении самиздата. 16.10.78 он был арестован, затем осужден по ст. 70 УК РСФСР и помещен на принудительное лечение в психбольницу. Там он встретился с членом СМОТ Владимиром Борисовым и вступил в это объединение, где активно работал по освобождению из психбольницы и до нового ареста.

● Почти с полуторамесячным опозданием АПН откликнулось в марте на распространяемый на Западе документ, составленный новосибирскими социологами и озаглавленный

„Краткие результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Новосибирского отделения Академии наук СССР в 1983 г.” (см. „Посев” № 3, 1985 г. „Итоги алкогольного безумия”). АПН опубликовало беседу своего научного комментатора с руководителем советской наркологической и психиатрической службы, начальником управления Министерства здравоохранения СССР Эдуардом Бабаяном. Бабаян (и АПН) полностью „игнорировал” существование документа, зато он заявил, что „...по данным государственной статистики, число первичных заболеваний алкоголизмом и тяжелых его форм за последние 3 года уменьшилось в 2 раза, а число алкогольных психозов снижается ежегодно примерно на 15%”. В то же время Бабаян признал рост числа пациентов советских наркологов, но в качестве причины выдвинул не „трагический взрыв алкоголизма”, а привлечение к медикаментозной и психотерапии „тысяч людей”, не имеющих еще „признаков социальной дезадаптации”, а также рост числа пациентов, добровольно обращающихся за помощью к наркологам. Кроме того, Бабаян „засвидетельствовал” снижение потребления в СССР спиртных напитков — с 8,7 л алкоголя на душу населения в 1980 г. до 8,3 л в 1983 г.

● С 1940 по 1973 г. производство водки в СССР возросло в 5,5 раз. Производительность труда по понедельникам в настоящее время падает в СССР на 12—15%, а после авансов и получки — на 30%. Советские социологи считают скуку и полнейшее отсутствие общественных интересов главными причинами постоянно растущего потребления алкоголя.

● Согласно советским статистическим данным, 50% штатных должностей медсестер и младшего медицинского персонала в советских больницах вакантны из-за нехватки рабочей силы. Более половины медсестер бросили за последнее время свою профессию из-за низкой зарплаты и чрезмерно длинного рабочего дня. Результатом является резкое падение качества лечения. Известно, например, что одним из основных, комплексных показателей, характеризующих уровень здравоохранения, является детская смертность в течение первого года жизни. Поскольку этот показатель в СССР стал ухудшаться, то с 1975 г. его перестали помещать в статистических справочниках. Западные специалисты